

А. В. Захарова

СЦЕНЫ ИЗ ДАЧНОЙ ЖИЗНИ ПАВЛОВСКА НАЧАЛА XX ВЕКА

Так и мне на театре стал мечтаться другой театр, на сцене – другая сцена, а из-за лиц, к которым уже пригляделись глаза мои, стали мерещиться другие лица, с таким чудным выражением, так непохожие на жильцов здешнего дальнего мира.

В. Г. Белинский

Еще с XIX века в русской литературе начинает формироваться образ Петербурга как города особенного, призрачного. Это не только город, в который посылают писатели героев своих произведений, он сам – действующее лицо со своей «душой» и «физиологией». Не случайно отпечаток петербургской тайны лег и на некоторые окружающие его места.

«Мало кто из жителей Петербурга не был в Павловске или, по крайней мере, не слышал о нем», – отмечают газеты того времени. Чем же именно Павловск заслужил такое внимание петербуржцев? Почему авторы делали Павловск сценой для развертывания действия своих произведений, а сложная атмосфера романа Достоевского «Идиот» соответствовала именно здешнему, павловскому духу? Почему именно здесь были написаны Гоголем столь завораживающие «Вечера на хуторе близ Диканьки»?.. Давайте попробуем уловить характер, разгадать тайну этого исключительного и своенравного в своей необычности города.

В 1892 году новым владельцем Павловска стал «августейший поэт», великий князь К. К. Романов, поэтическая муза которого была тесно связана с этим городом, где все завораживает, пробуждает мысли о прошлом, словно человек созерцает погруженное в сон царство «Спящей красавицы».

В Павловске с 1902 года, так же как и в Царском Селе, было уже два вокзала. Новая станция Павловск-II была построена за пределами парка, у начала Садовой улицы, в связи со строительством новой линии железной дороги через Дно на Витебск, которое осуществлялось акционерным обществом Московско – Виндаво – Рыбинской железной дороги. В самом же парке находился тот самый известный повсюду Павловский вокзал, в котором функции вокзала занимали далеко не главное место, поскольку не паровозные гудки, а музыка провозгласила зарождение вокзальной жизни первой русской «филармонии». Именно здесь в течение XIX и в начале XX века сосредотачивалась необычайная энергия этого города-парка. Недаром говорили газеты, что «жизнь в Павловске начинается с открытием вокзала и замирает с его закрытием».

Павловск, как заколдованный замок из сказки Перро. Сказочные, легендарные времена ушли вместе с их творцом – романтическим императором, но над руинами его сказки витает странный дух, продлевая ее во времени. Бродит по городу поручик Кижэ, мертвый среди живых, живой среди мертвых. Все еще спешит к вершине горы, на которой росла прекрасная роза без шипов, герой другой мистификации,

царевич Хлор из придуманной Екатериной II для внука – великого князя Александра – сказки, которая была материализована в архитектурных и пейзажных образах именно этого города. По аллеям темного парка пробегает в утренних сумерках князь Мышкин на свидание с Аглаей. Разносится по парку музыка Штрауса, и звучат романсы его романтической любви Ольги Смирницкой; звуки «Павловского вальса», «Вальса-фантазии» Глинки завораживают и уносят с собой чувства, рожденные в заколдованном месте.

Зачарованный город вступает в XX век, не замечая его. Павловск – «город-театр» – в который раз поднимает занавес вместе с открытием музыкального вокзала. Пройдемте на открытие вслед за неловким гимназистом Всеволода Рождественского.

Вновь гимназист, смущен и кроток,
Иду тревожно по рядам
Средь генеральш, актрис, кокоток
И институтских классных дам.

У входа фраки и мундиры,
Билеты рвут кондуктора,
Волочат саблю кирасиры,
Вербеной веют веера...

Удивительные особенности «павловского театра» обнаруживаются еще до открытия. Странное, причудливое, порой гротескно-смешное переплетение XIX и XX веков. Грань двух столь различных столетий: веера, веющие вербеной, – и кондуктора, проверяющие билеты; кирасиры, волочащие саблю, как сто лет назад волочили ее их деды, – и гимназист, оглядывающийся робко на классных надзиратель. Страх XX века, его тяжелая и темная фигура стояла за спинами убегающих в сказку века девятнадцатого:

Как передышка от парадов,
Как заглушенный вальсом страх,
Тупое скрещиванье взглядов
И рядом с Бахом – Оффенбах.

Все страшное будет, но будет потом. А сейчас странная и вычурная сказка продолжается: до открытия магического театра остались часы.

Дело к вечеру. Павловский вокзал весь в огнях. Еще несколько минут, и Павловск вступит в свой новый сезон. Но действие начинается еще до открытия вокзала. Зрители – вот главные актеры театра мод и нравов! Вот что пишет об открытии сезона 1909 года газета «Царскосельское дело»: «Несмотря на почти зимнюю стужу, в день открытия “Музыки” Павловск ожил от своей восьмимесячной спячки. Накануне отмечалось усиленное прибытие возов с мебелью, а в самый день открытия, с утра на улицах появились мужественные дачницы в легкой костюмах и дамы без шляп. Что же такое, что чуть ли не морозит, что за беда, если с неба падает не то крупа, не то снег, ведь сегодня открытие вокзала. Следовательно – да здравствует лето! С 6-ти часов вечера по направлению к вокзалу потянулись сперва отдельные пешеходы, потом группы, потом целые вереницы. Это Павловские аборигены и ранние дачники, стремятся пораньше занять места в музыкальном зале. У многих флюсы, почти у всех отчаянные насморки, но соломенные шляпки у дам все же преобладают. К 8-ми часам вечера огромный зал Павловского вокзала переполнен, а между тем публика все пребывает. Оригинальнейшая смесь костюмов. Соломен-

ные и газовые шляпки с ворохами ярких цветов, легкие летние туалеты, шубы, бобровые и каракулевые шапки, боа, шляпы-панама, словом никак не разобрать – то ли мы в Ницце, то ли в Архангельске, июль ли месяц на дворе или декабрь. Во всей красе предстала современная мода. Дамские шляпы представляют собою все домашнее хозяйство. Попадают шляпы в точности копирующие формы для бланманже или для заливного, шляпы, изображающие глиняные латки, умывальные тазы, корзинки для бумаг, абажуры. Все эти поэтические предметы обильно украшены цветами, но красивее они от этого не стали, а обладательниц своих, которые сделали в них похожими на “грибы-опенки”, обезобразили преизрядно¹.

На сцене музыка, но зал продолжает жить своей жизнью. Вокзал – лучшая декорация для продолжения представления. «Во время исполнения первого отделения разыгрывается инцидент. Кто-то уронил расставленные в проходе, несмотря на запрещение, стулья, кто-то с перепугу крикнул “пожар!”, а некий безобразник выкрикнул какую-то угрозу по адресу евреев, тут же возник переполох и зазвенели разбившиеся стекла»².

Проходит год, и в 1910 году представление театра мод и нравов продолжает-ся: «Очень полная дама, разряженная согласно последнему визгу моды, пробирается сквозь толпу. Навстречу попадает молодая франт в котелке на затылке. “И вы здесь?” – воскликнул он. “И я!” – отвечает дама. “Только знаете, тощица здесь страшная. И странное дело – всегда на этих открытиях тоска. А все-таки идешь”. “Да!” – отвечает франт. “Не быть на открытии Павловска – все равно, что все лето без галстука проходить”»³.

Действительно, и людно, и шумно, а скучно. Но все-таки все довольны, что снова открыт милый Павловский вокзал, к которому все привыкли. На эстраде размахивает белокурой шевелюрой женоподобный дирижер. Льются звуки русской песни... В саду накрапывает дождь. Публика начинает расходиться и из ярко освещенного зала попадает сразу в павловскую тьму. «“Вот. Ведь есть теперь общество благоустройства”, – сердится какой-то седой господин в цилиндре... – “деньги собирает, а нет чтобы на площади фонарь поставить”. “А вы деньги в общество внесли?” – спрашивает его полная дама. “Нет!” “Так вы сначала внесите, а потом и спрашивайте света”, – отвечает дама. “А то все от общества чудес требуют – устрой мол и освещение, и тротуары, и еще бог знает что, а денежек не дадим”. Цилиндр смущенно исчезает во тьме»⁴.

На Павловск ложится ночь. Первый день летней и самой увлекательной жизни этого города закончился. Но наступит утро, и Павловск в этот сезон – один из сезонов начала века – еще покажет нам свой странный, а иногда и комичный характер, характер своих дачников и обывателей. Доброй ночи!

Но может ли ночь в Павловске быть спокойной? «Какая масса любителей послушать соловья в парке ночью! Ходят все попарно. И много же этих соловьев, а еще больше “этих пар”. Масса птичек заливается на всевозможные лады, старается перекричать друг друга, и этот веселый шум, сливаясь с шуршанием вековых сосен и елей, навеивает на всякого – сентиментальные мечты, грезы весенней мелодичной песни, любви и упоения»⁵. И эта идиллия озаряется вспыхивающими и внезапно

¹ Царскосельское дело. 1909. 9 мая. № 19. Здесь и далее даты указаны по старому стилю, грамматические особенности газетных сообщений в основном сохранены.

² Там же.

³ Царскосельское дело. 1910. 7 мая. № 19.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

гаснущими среди ночной тиши яркими кострами горящих сухих листьев, придавая атмосфере ночного парка что-то завораживающее и таинственное.

Не случайно говорят, что слово – материально: идеи, как известно, тоже имеют громадную силу и могут оживать. После того, как герои Достоевского уже создали Павловску славу города странного, загадочного и мистического, он стал во всю стремиться стать таковым. Этому помогало еще и то обстоятельство, что каждое место, описываемое в романе, как и в Петербурге, так и в Павловске существовало реально. Именно эти места и сосредоточили, наверное, на многие годы энергетику романа, словно герои его существовали на самом деле. В противном случае, чем объяснить те трагические, почти театральные случаи, которые происходили в Павловске.

Один из них случился летом 1909 года как раз недалеко от вокзала на Садовой улице, где жили Епанчины и князь Мышкин⁶, и был описан в газете «Дачник»: «Ночью 1-го июля в Павловском парке покончила самоубийством жена врача София Иосифовна Игнатъева – урожденная грузинская княжна. Текущее лето молодая женщина проводила недалеко от Павловска в деревне Глазово. В роковую ночь она в сопровождении лицеиста возвращалась на извозчике с музыки домой. По словам извозчика молодые люди о чем-то возбужденно разговаривали, и дама даже плакала. Не доехав до места, лицеист, протрившись с дамой, покинул ее. Спустя некоторое время в парке раздался выстрел. Вернувшийся лицеист увидел, что молодая женщина нанесла себе смертельную рану в грудь. Пораженный молодой человек сам доставил тело женщины к ее дому, откуда оно после неизбежных формальностей было отправлено в Мариинский придворный госпиталь»⁷.

«Причины самоубийства Игнатъевой продолжают выясняться, – продолжает рассказ газета в следующем номере. – Оказывается, что покойная вдова, ей едва минул 21 год, принадлежала к княжескому роду Грузии. Последний день своей жизни молодая женщина проводила в саду, на музыке. Была оживлена и бурно весела. Роковой вечер компания г. Игнатъевой решила закончить ужином, во время которого, поднимая бокал шампанского, молодая женщина предложила всем испытать в жизни хотя бы минуту счастья, – “За счастливый час!” закончила она. Затем госпожа Игнатъева с провожатым, лицеистом Депаровым, отправилась на извозчике домой. С этого места показания свидетелей расходятся. Лицеист Депаров говорит, что на извозчике его молодая спутница продолжала быть в бурном настроении и так как это производило на него неприятное впечатление, то он в шутку сказал, что уйдет от нее, на что она, продолжая шутить, ответила, что в таком случае она застрелится. Лицеист соскочил и вслед ему раздался выстрел. Вскрытие обнаружило, что пуля прошла сердце пополам сверху донизу. Смерть была мгновенной»⁸.

Не правда ли, эта заметка в газете очень похожа на отрывок из какого-то символистского романа, где смерть и шутка ходят рядом.

Но почтенным обывателям Павловска могли угрожать совсем другие опасности. «Остерегайтесь телеграфных столбов!» – предупреждает газета «Царскосельское дело» весной 1910 года. «Оказывается, что эти громадные, тяжелые бревна держатся в земле, так сказать, на честном слове. 19 мая от ветра (никакой бури не было) на Пограничной улице свалился один из этих столбов, упав в нескольких ша-

⁶ Павловские экскурсоводы указывают «дачу Лебедева», где жил князь Мышкин, по современному адресу: ул. Революции (бывшая Садовая), д. 3.

⁷ Дачник. 1909. 3 – 4 июля. № 27.

⁸ Дачник. 1909. 5 – 7 июля. № 28.

гах от фонаря местного общества благоустройства и чуть не раздавив его. Железный кронштейн с изоляторами сломался, провода порвались.

Впрочем, происшествие никому не причинило вреда, а местным уличным мальчишкам принесло даже пользу, так как сии почтенные джентльмены, пользуясь обычным у нас отсутствием блюстителей порядка, преблагополучно срезали с лежавшего на земле столба медную проволоку и утащили к себе»⁹.

Жители города были внимательны к сведениям, сообщаемым дачной газетой, и спешили исполнить ее пожелания. «В то время как в Царском Селе никто не имеет права выпускать на улицу собак без намордника, в Павловске собакам полное раздолье и неудивительно, что чуть ли не каждую неделю приходится отмечать случаи укусов людей собаками. Теперь, когда стоит жара, и случаи бешенства не редки, не мешало бы обратить внимание на кусающихся “друзей человека”»¹⁰. И вот, очевидно, результат: «В Павловске, у генеральши С. околела собака, похоронена на православном кладбище. Сторож сошел с ума»¹¹.

Ей-богу, город Павловск начинает внушать опасения странными происшествиями и выходками жителей. В чем же дело? Особые качества местности, климат или что-либо иное? Газеты, конечно, задумываются об этом. «Масса прудов, озер и искусственных бассейнов придают воздуху какой-то странный оттенок, совершенно несхожий с цветом петербургского воздуха», – пишет одна из них¹². «Павловск – город природы. В нем естественные условия местности преобладают над усилиями цивилизации человека», – утверждает издание, призванное ориентировать горожан при выборе дачного варианта¹³.

Примесь неизменной павловской комедии присутствует даже при холерной угрозе. «Дачники встревожены появлением холеры и по поводу их тревог наблюдаются интересные приключения. Из Царского Села в Павловск прибыл некто Горращенко, после приезда сразу почувствовал некоторое расстройство желудка. Решив, что у него холера, он просил госпитального доктора поместить его в барак для подозрительных, где он и обретается до настоящего времени»¹⁴.

Но даже угроза холеры не отменяет дачную жизнь. Воскресенье на даче в Павловске – особенная пьеса «павловского театра». Вот как она представлена на страницах газеты «Дачник»: «Дачные дамы ужасно не любят воскресного дня. Во-первых, мужья, большей частью, не уезжают в город в этот день. – А, во-вторых, в воскресенье приезжают гости. Две неприятности, и жены весь день в хлопотах. Дачные мужья в воскресенье до обеда очень скучают. Они бреются, купаются, бродят по парку и никак не могут дотянуть до 4 часов, когда можно будет засесть играть в винт. После обеда со всех террас слышна страшная брань, словно здесь собрались десять ломовых извозчиков или точно здесь происходит заседание Думы. Ничего подобного. Это просто спорят винтеры, которые тогда забывают весь мир. Жены занимают приезжих гостей. Они водят их по парку и объясняют: – Вот это парк! Причем гости обязательно восхищаются. – Здесь у вас чудно, великолепно. Если бы я могла, я осталась бы у вас дня на два-три. – Ах, мы были бы очень рады, – отвечает хозяйка, думая: не дай бог, еще останется. Потом пьют чай, ужинают

⁹ Царкосельское дело. 1910. 28 мая. № 22.

¹⁰ Дачник. 1909. 26 июня. № 26.

¹¹ Царкосельское дело. 1909. 14 авг. № 33.

¹² Дачная жизнь. 1911. 10 – 16 апр. № 1.

¹³ Куда ехать на дачу?: Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб., 1884. Вып. 2. С. 55.

¹⁴ Дачник. 1909. 29 – 30 июля. № 38.

и идут провожать гостей. Ждут поезда и усиленно стараются найти свободное местечко для дорогих гостей, чтобы они, упаси бог, не остались ночевать»¹⁵.

Впрочем, ведь в этом городе-театре существует и самый настоящий театр. Со всем недавно, 21 июля он открыл свой новый сезон. Подрастающее поколение в избытке посещает Павловский театр, особенно в дни опереточных спектаклей. Что же они там видят? «В Павловский театр в прошлую среду, – сообщает газета “Петербургский листок”, – приехал Опереточный ансамбль “Нового летнего театра” с целым транспортом современных жрецов и жриц искусства, к сожалению, позорящих своими пошлостями храм Мельпомены...». «Непостижима халатность родителей, смело берущих с собой на подобные спектакли малолетних для просвещения...», – заключает газета¹⁶.

Стремление павловчан к игре, к театру (хорошему и не очень) поистине неистребимо! Они хотят во всем быть не только зрителями, но и участниками: «Павловский кружок любителей оперетки уже несколько дачных сезонов удивляет своими успехами и пользуется общими симпатиями. На днях поставив известную опереттумозаику “Ночь любви” кружок еще раз доказал, что при хорошем режиссере и старании артистов, любители могут сойти и за настоящих профессионалов»¹⁷.

Замечательно чувствуют себя в этом необычном городе дети. Помимо того, что их свободно пускают в театр и на музыку в вокзал, у них есть и своя «дневная музыка», и «дневные игры», и детская «гимнастика» и танцы. «Площадка для детских игр в Павловске. Управление Санкт-Петербургской сети Московской – Виндаво – Рыбинской железной дороги, в заботах о доставлении удовольствия молодому поколению, проживающему летом в Павловске, заручилось согласием опытного специалиста по организации и руководству детских игр и забав г. А. А. Дювернуа, по указанию и под наблюдением которого учреждает в этом году в саду и при вокзале бесплатную площадку для детских игр и забав. Будут установлены гимнастические снаряды и игры по шестнадцати группам и отдельно представленные игры: домино-крокет, кегли, боуэ, миниатюрный теннис, парашюты Копа, мишени для стрельбы и мяча, бильбоке обыкновенное и воздушное, крокет, диски и ядра для метания, скакалки, кольца для катанья, мешки для бега, коньки на роликах и многое другое... Открытие ожидается в первых числах июня. Во время игр будет играть оркестр военной музыки. Желающие получить более подробные разъяснения могут письменно обратиться к заведующему Павловским вокзалом С. С. Макарову»¹⁸.

Интересно, что Павловск по своему устройству концентричен. Город со всех сторон окружает парк, замыкаясь вокруг парка и подчиняясь ему полностью. Несмотря на то, что в парке «пахнет дымом дуэлей», «падают при первой буре деревья», случаются самоубийства, «велосипедисты сбивают детей» на «Объездной дорожке», за вокзальным прудом находят мертвых младенцев, а на знаменитой тярлевской просеке царит атмосфера преступлений, Павловский парк привлекает дачников и жителей Павловска. Бескрайний и таинственный, по вечерам он сужается до площади перед вокзалом и самого вокзала. И уже там, внутри него, на «высшем круге» главенствует музыка и тот, кто ею управляет, властитель нотных знаков и ежевечерних настроений павловских обывателей, центр вечернего мира – Демиург-Дирижер. Долгое время им был Herr Hessin – настоящий немецкий маленький, ак-

¹⁵ Дачник. 1909. 19 – 21 июля. № 34.

¹⁶ Царскосельское дело. 1909. 17 июля. № 29.

¹⁷ Дачник. 1909. 24 – 25 июля. № 36.

¹⁸ Царскосельское дело. 1909. 9 мая. № 19.

куратный Мефистофель – необходимый элемент павловской жизни. В газетах его и ругают, и хвалят, но вот обойтись без него никак не могут – фамилия Хессин с теми или иными эпитетами встречается почти в каждой газете с 1907 по 1909 год. И в целом, эти публикации дают полную характеристику и этому интересному человеку, который находился на сцене Павловского музыкального вокзала несколько дачных сезонов, и программам его концертов.

«Третий год г. Хессин сидит в Павловске, – сообщает в 1909 году газета “Петербургский листок”. – Именно “сидит”, не двигаясь ни вперед, ни назад. Все он тот же: аккуратное, малоизменное помахивание палочкой, почти непрерывные, кстати и не кстати движения левой рукой, неподвижность фигуры, таковая же неподвижность лица – таковы внешние данные г. Хессина, как дирижера.

В соответствии с внешними дирижерскими особенностями г. Хессина находятся и “внутренние” его особенности, как дирижера. И тут он “аккуратен”, а поэтому не позволяет себе слишком увлечься»¹⁹.

Все когда-то кончается. Еще один сезон, быстрый, как мгновение, в набравшем скорость «железном веке» подошел к концу. Сказки кончаются быстро, и в особом пространстве и времени, мало связанном с временем реальным, существуют в нашей памяти, населенные образами людей, музыкой, запахами.

Задержимся в Павловске еще на мгновение. Он закрывает сезон прощальным концертом на вокзале, где в последний раз соберутся дачники и «зимогоры», и где театр этой удивительной павловской жизни дает свое последнее представление: «При салютах небесной артиллерии под огнями грозового фейерверка состоялось нынче закрытие Павловского вокзала. Явление совершенно необычное для сентября месяца, который в этом году словно хочет заплатить за то, что не додано было июнем. Но ни оглушительные раскаты грома, ни ослепительные молнии, ни даже потоки дождя не могли остановить присяжных “закрывателей” и павловских меломанов.

Концертный зал был набит: извозчики в городе были все нарасхват. Из-за них чуть не дрались (и все ехали на музыку). А на этой самой музыке можно было послушать все, но не музыку. На эстраде появляются певцы и певицы, публика видит как они открывают рты, но пения не слышно. Впрочем, это не мешает исполнителям иметь большой успех. Добродушно настроенная аудитория верит на слово, что они хорошо поют и хлопат им вовсю. Жарища в зале тропическая, теснота невообразимая. И вот несмотря на то, что площадка перед залом похожа на дно речное, а сверху все льет и льет, один за другим выходят слушатели из зала и на площади образуется оригинальное гуляние под зонтиками.

“А, говорят, в будущем году Хессин больше не выступит”, – с надеждой говорит солидный господин в непромокаемом плаще. “Мало ли, что говорят”, – откликается другой пожилой господин под зонтиком. “Надо быть пессимистом. Тогда избежишь разочарования”.

“Да ведь это ужасно!”, – восклицает первый. “Ведь при нем оркестр совсем разладится. Его наверное больше не выпустят”.

“Господа, скандал!” – восклицает какой-то молодой человек, обращаясь к группе молодежи, собравшейся под навесом у буфета. “В буфете одна дама подвязку потеряла, а какой-то господин намотал ее на шею и ходит...” “Выведут”, – глубокомысленно замечает кавалерийский юнкер.

Небо проясняется. Появляются звезды. Публика спешит выбраться из зала и образует привычный людской водоворот. Снаружи сыро, темно, шумно, но весело. Завтра Павловск погрузится в длительную зимнюю скуку. Прощай лето!

¹⁹ Петербургский листок. 1909. 21 мая. № 136.

“Serge”, – говорит своему соседу франт в нелепом котелке с отогнутыми к низу полями и в насквозь промокших желтых ботинках. – “Serge, здесь настоящая выставка дамских чулок”. “И не одних чулок только”, – отвечает Serge. В самом деле, некоторые щеголихи, стараясь не замочить подолов своих светлых граф костюмов, несколько потеряли чувство меры.

“Прощай музыка”, – тоскливо слышится в толпе женский голосок. – “Опять тощица будет в Павловске”. “Не унывай, Маруся”; отвечает густой бас: “Не унывай и помни бессмертные слова Пруткова: “Юнкер Шмидт, честное слово, лето возвратится!””»²⁰

²⁰ Царскосельское дело. 1909. 11 сент. № 37.